

Теперь, когда Гоудань и Ван Сюань уже крепко стояли на ногах и могли сами управиться со многими делами в деревне, Ли Сы с чистой совестью вернулся к привычному укладу — снова превратился в прежнего молчаливого трудягу, готового без усталости гнуть спину на полях. Выносливости и упрямства ему было не занимать, но вот придумать, как круто изменить жизнь семьи и выбиться в люди, крестьянскому уму было не под силу. Единственный ведомый ему способ обеспечить близким сытую жизнь заключался в одном: работать до седьмого пота и зарабатывать как можно больше рабочих баллов.

В деревне те, кто посметливее да пошустрее, уже втихаря промышляли незаконной торговлей или ремеслом на стороне, чтобы хоть как-то подсобить семье копейкой, но жизненный уклад Ли Сы оставался неизменным. Односельчане завидовали его удаче: надо же, и родной сын уродился на славу, и приемыша взял золотого. Мало кто задумывался, почему Гоуданю с самых малых лет приходилось буквально выгрызать право на жизнь, отчего он вырос куда взрослее и надежнее своих сверстников. Возможно, кто-то и понимал истинную причину, но большинство лишь слепо завидовало. И чем старше становился парень, тем отчетливее все видели: этот малый далеко пойдет.

Отношение людей переменилось в одночасье. Раньше стоило ему показать характер, как деревенские кривились от досады, шипели вслед и клеймили невоспитанным дикарем. Да и судачить в его присутствии о семействе Ли, глумясь над сбежавшей матерью, больше никто не смел. Пропали презрительные взгляды, сошли на нет перешептывания за спиной.

Теперь о нем отзывались исключительно с похвалой. Встречая на улице, вежливо здоровались, признавая в нем равного. В этих краях уважение как к взрослому нужно было заслужить — либо обзавестись собственной семьей, либо дожить до солидных лет. Ни Гоудань, ни Ван Сюань под эти правила еще не подходили, но люди подсознательно видели в них мужчин. Язык больше ни у кого не поворачивался обзвать их «щенками» или «безродными ублюдками».

Когда Гоудань и Ван Сюань, нагруженные узлами и сумками, собрались в дорогу, прохожие приветливо улыбались им вслед:

— Опять на учебу, хлопцы?

Оба вежливо кивали, перебрасывались парой дежурных фраз и лишь за околицей, когда попутчики перестали попадаться навстречу, прибавили шаг.

Зима выдалась суровой. Парни взяли с собой лишь одно полутораметровое ватное одеяло, и сшитый Ван Сюанем пододеяльник наконец-то пришелся кстати. По ночам двое рослых парней ютились на узкой казенной койке, укрываясь вдвоем. Соседи по комнате, глядя на них, быстро переняли этот нехитрый опыт. Одному спать в нетопленной спальне было слишком холодно, а если сложить два одеяла вместе да лечь потеснее — получалось куда теплее. У большинства ребят постели были старыми, свалявшимися, тонкими и жесткими; ложась спать, они до самого утра не могли согреть окоченевшие ноги.

В постели всю ночь гулял сквозняк, сон был тревожным и рваным — то и дело просыпаешься от пронизывающей дрожи. Забываешься коротким сном, снова замерзаешь, ворочаешься, и так

до самого рассвета, пока не придет пора соскакивать с койки и отогреваться прыжками на месте. Из-за постоянного недосыпа все ходили вялыми. К тому же в холода организму требовалось куда больше сил, и скудный столовский паек проваливался мгновенно — не успеешь пообедать, как в животе снова урчит, а порции-то больше не становились.

На уроках ученики откровенно клевали носом. Осенью это так не ощущалось, но с приходом морозов в классах завыл ледяной ветер, проникающий сквозь щели в рамах. Стужа пробирала до самых костей. Пальцы коченели настолько, что ручка валилась из рук, а суставы словно ржавели, отзываясь резкой болью на каждое движение. Кожа трескалась от холода. У многих ребят вновь обострился застарелый зуд от обморожений: пальцы распухали, покрывались багровыми корками и не сгибались. Тем, с кем они ладили, Ван Сюань давал целебную мазь собственного приготовления.

Пока донесешь миску из столовой до общежития, еда успевала покрыться ледяной коркой. В такие дни глоток горячей воды из термоса казался немыслимой, поистине барской роскошью. Гоудань и Ван Сюань как раз числились среди этих редких счастливичков. Стоило им сесть за стол, как Цичжи и Дафу уже стояли над душой со своими кружками, клянча кипятком. Термос пустел мгновенно, пока обносили по кругу всех желающих. Эти двое успели сойтись с обитателями их комнаты ближе некуда.

— Да вы хоть каплю оставьте, ироды! — напускал на себя ярость Гоудань. — Налетели как саранча!

Прятели со смехом рассыпались в разные стороны, спасаясь от его шутливого гнева, чтобы на следующий день снова заявиться с протянутыми кружками. Деваться было некуда: термос в спальне — вещь редкая, да к тому же Гоудань был старостой класса, парнем авторитетным, вокруг которого вечно вилась куча народу. Друзей у него прибавлялось с каждым днем, а близкие друзья простоты не стыдятся.

К тому же у них была большая жестяная кружка для кипячения воды. В столовой за полный термос кипятка просили один фэнь — одному человеку этого хватило бы дня на три, но без самого термоса удержать тепло невозможно. Ван Сюань приносил кипятком из столовой, а когда его подчистую выпивали, парни растапливали в комнате маленькую чугунную печурку-буржуйку и грели воду прямо на ней. И кипятком всегда под рукой, и в комнате становилось хоть немного теплее — выгода со всех сторон.

Разумеется, задарма их никто не объедал. Ребята честно скидывались по очереди на ту самую заветную монету в один фэнь, чтобы никто не чувствовал себя нахлебником. Да и кто в здравом уме рискнет поживиться за счет одноклассника Ли Кая? Дураков не было — живо бока намнет. В школе все знали: если Ли Кай сам у тебя ничего не отобрал, считай, день прошел удачно.

Некоторые деревенские парни и в теплое-то время не жаловали баню, а уж с наступлением холодов и вовсе забывали о воде, ухитряясь прохаживать в одной одежде всю зиму. Когда же они наконец выбирались в общественную баню неподалеку от школы, то проводили там полдня, соскребая с себя накопленную за месяцы грязь чуть ли не слоями.

Выпал снег. Двор школы, лишенный мощения, мигом превратился в грязное месиво: белые хлопья таяли под ногами сотен учеников, смешиваясь с черноземом. Матерчатые туфли — не чета резиновым сапогам. От сырости они раскисали, подошва становилась мягкой и пропускала воду при первом же шаге. Ноги промокали насквозь, коченея в ледяной жиже.

Порой приходилось изо всех сил топать по земле, чтобы хоть как-то разогнать кровь, но возвращающаяся чувствительность отзывалась такой нестерпимой болью, будто в ступни вонзались сотни раскаленных игл.

По вечерам, когда Гоудань растапливал буржуйку, вся комната собиралась вокруг огня. Промокшую обувь выстраивали тесным кругом у раскаленного железа. Стоило жару коснуться сырой ткани, как по комнате разносился такой густой дух, о котором лучше умолчать из деликатности.

Вонь стояла знатная, но Гоудань никого не гнал — понимал, что у каждого это единственная пара обуви. Правда, уговор был строгий: дровами обеспечивают все. Возвращаясь после выходных из дома, ребята тащили кто сколько мог — кто охапку хвороста, кто связку щепок от старого забора. Жаркая печь радовала всех, и их комната славилась как самая теплая во всем общежитии. Все помогали добровольно — совесть-то у парней была, сидеть на чужой шее никому не хотелось.

Гоудань со стоном помассировал затекшую поясницу. Кровать шириной едва ли в метр никак не подходила для двоих рослых парней. Чтобы улечься, одному приходилось спать на спине, а другому ютиться на боку, либо обоим ложиться ложка к ложке. Растянуться во весь рост на спине вдвоем не позволяла теснота, да и одеяло тогда начинало топорщиться, пропуская морозный воздух. Приходилось прижиматься друг к другу как можно теснее. К утру от долгого лежания в одной позе тело затекало так, что суставы ломило, а мышцы протестовали ноющей болью.

Время шло своим чередом. Мало-помалу парни привыкли к суровому школьному быту, как вдруг на пороге появился человек, встречи с которым они никак не ожидали, — Чэнь Чжэнго.

Гоудань и Ван Сюань растерянно переглянулись. Хотя все эти годы они изредка переписывались и обменивались посылками с нехитрыми гостинцами, вживую они не виделись уже несколько лет. Его внезапное появление застало их врасплох, вызвав скорее легкую оторопь, нежели радость.

Командир полка разыскал их прямо в школе. Когда классный руководитель вызвал парней, те даже не сразу поняли, в чем дело. Чэнь Чжэнго при полном параде выглядел в скромных школьных стенах фигурой величественной и чуждой. Военных в народе безмерно уважали, а высокий чин гостя вынудил самого директора бросить все дела и лично заняться приемом. Гоудань шел по коридору, хмурясь от досады, и втихомолку шептал на ухо Ван Сюаню слова недовольства.

Увидев ребят, Чэнь Чжэнго тоже на секунду опешил. В его памяти они остались худыми,

чумазыми заморышами, а теперь перед ним стояли двое статных парней. Он-то полагал, что они лишь немного вытянулись, но теперь, не будь у них прежних знакомых черт лица, прошел бы мимо и не узнал. Перемена разительная: пусть их одежда по-прежнему отливала скромной серостью, но была опрятной и чистой, а на ногах красовались добротные теплые чуни — совсем не те босоногие оборвыши, что запомнились ему несколько лет назад.

Похоже, они не врал в письмах, когда твердили, что не нуждаются в его деньгах.

Директор, так и сияя радушием, представил их:

— Одноклассник Ли Кай, одноклассник Ван Сюань, верно? Товарищ командир полка Чэнь прибыл специально ради вас. Товарищ Чэнь, взгляните, те ли это ребята?

Чэнь Чжэнго сдержанно кивнул:

— Да, они самые. Несколько лет общались только по переписке, не думал, что они так вымахали. Проезжал мимо по делам службы и решил навестить ребят.

— Ну разумеется, святое дело! Родные всегда беспокоятся, когда дети учатся вдали от дома, — закивал директор, пытаясь по выражению лица офицера угадать степень их родства.

Чэнь Чжэнго понимающе усмехнулся:

— Да чего беспокоиться? Школа у вас образцовая, учителя строгие, но заботливые. Не станут же они обижать ребят.

— Что застыли? Поблагодарите товарища директора за заботу, — скомандовал полковник.

Когда парни послушно поклонились, Чэнь Чжэнго повернулся к директору:

— Мы не виделись целую вечность, а на улице мороз приударил. Я бы хотел забрать их ненадолго, пройтись по магазинам, присмотреть теплую одежду, если нужно.

— Да-да, конечно, дело нужное! — поспешил согласиться директор.

Навязываться с праздными разговорами он больше не посмел. Какими бы строгими ни были школьные правила, запретить встречу с таким почтенным родственником никто бы не решился. Да и режим в уездной школе был вполне терпимым — после занятий ученики вольны ходить куда вздумается. Офицер просто проявил вежливость, испросив позволения у руководства.

Попрощавшись с директором вежливым кивком, Гоудань и Ван Сюань зашагали вслед за Чэнь Чжэнго к выходу. До самых ворот все трое хранили молчание.

Лишь миновав калитку, полковник остановился, дождался, пока ребята поравняются с ним, и с легкой усмешкой приподнял бровь:

— Что язык проглотили? Неужто в средних классах гонор поутих и вы за ум взялись?

Ван Сюань спрятал улыбку в воротник — за годы переписки военный успел неплохо изучить колючий нрав его названного брата.

Гоудань же недовольно закатил глаза:

— Скажете тоже, «за ум взялись». Человек сваливается как снег на голову, а мы и испугаться не имеем права? Мы вообще-то простые деревенские дети, робеем перед большим начальством.

«Так я тебе и поверил, егоза», — мысленно усмехнулся Чэнь Чжэнго.

— Дело у меня к вам серьезное, но сперва надо перекусить. Вы уездный город уже обжили, места рыбные знаете. Ведите туда, где кормят сытно, — я угощаю.

Гоудань соорудил самую невинную мину и распахнул глаза:

— Правда? Прямо все, что захотим, можно заказать?

— Ну... да, — протянул полковник.

Вид этого долговязого хитреца, пытающегося казаться наивным ягненком, знатно его позабавил. Ван Сюаню такое выражение лица подошло бы куда больше, а на разбойничьей физиономии Гоуданя детская непосредственность смотрелась комично. Даже бывалый офицер невольно насторожился, гадая, какую каверзу замышляет этот малый.

— Точно за ваш счет? — прищурился Гоудань, закрепляя успех.

— Точно-точно, — подтвердил Чэнь Чжэнго.

Гоудань изобразил крайнее смущение и скромно улыбнулся:

— Ох, даже как-то неудобно... По совести сказать, это мы должны вас потчевать в честь приезда. Но наш карман не богат — разве что в школьной столовой угостили бы парой кукурузных пампушек да миской тушеной капусты. Раз уж вы настаиваете на своей щедрости, так и быть. Ведите.

От такой наглости Чэнь Чжэнго едва не выронил зажатую в зубах папиросу.

«Ну и пройдоха! — подумал он с невольным восхищением. — И на бесплатный обед напросился, и лицо сохранил, да еще и прибедняться ухитрился так изящно!»

Он лишь хмыкнул, качая головой. Полковник потянулся было дать сорванцу легкий щелчок по затылку, но вовремя сообразил, что тот вытянулся почти вровень с ним. Пришлось ограничиться крепким хлопком по плечу:

— Слишком много у тебя извилин для таких лет, парень. Ладно уж, веди, Сусанин.

Гоудань с гордым видом ударил себя кулаком в грудь, безмолвно гарантируя, что обед пройдет по высшему разряду.

<http://bllate.org/book/19654/1996743>